

В. И. БИЛЛИК

О ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ ГЕРМАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1918—1919 гг. В БУРЖУАЗНОЙ И РЕФОРМИСТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Революция 1918—1919 гг. была наиболее значительным революционным выступлением немецкого рабочего класса против империализма и милитаризма. Этот тезис всесторонне обосновывается в марксистской историографии и в воспоминаниях участников революции, в то время как буржуазные и реформистские мемуаристы и историки всячески стараются оклеветать спартаковцев-коммунистов, преуменьшить значение Ноябрьской революции, искажая прежде всего ее причины; извратить сущность рабочих и солдатских Советов в Германии в 1918—1919 гг. и умалить тем самым роль и возможности народных масс в государственном строительстве. Многие из авторов пытаются оградить шейдемановцев от справедливых обвинений в сознательном предательстве дела прогресса, демократии и социализма в Германии, утверждая, что эти лидеры якобы были «жертвою обстоятельств». Любопытно, что попытки обелить лидеров шейдемановцев сочетаются с лицемерными упреками по их адресу за контрреволюционное рвение, повредившее, как признают многие буржуазные и реформистские историки, демократическому развитию Германии. В конечном итоге буржуазные историки (за исключением части крайних реакционеров) признают, что лидеры социал-демократии большинства и центристы явились спасителями капитализма и милитаризма в Германии во время Ноябрьской революции.

Задачей настоящей статьи является критика трактовки в буржуазной и в реформистской историографии следующих проблем германской революции 1918—1919 гг.: ее причин, вопроса о Советах в революции и роли социал-демократии в революции.

Первые попытки охарактеризовать сущность Ноябрьской революции и выяснить ее основные проблемы были сделаны во время самой революции ее участниками и ее врагами. Последующая трактовка проблем революции в буржуазной и в реформистской историографии в значительной мере отстает и развивает взгляды, высказанные во время самой революции буржуазными и реформистскими политиками и публицистами. Поэтому я останавливаюсь на некоторых немецких публицистических произведениях 1918—1919 гг., сравнивая позицию их авторов с точкой зрения последующих историков и мемуаристов. В отдельных случаях нами рассматриваются мемуары руководящих деятелей социал-демократии большинства (Ф. Шейдемана, Г. Носке, Г. Мюллера, Ф. Штампфера и др.), поскольку их писания претендуют быть не только *историческими источниками*, но и *очерками* событий 1918—1919 гг. в Германии.

Помимо немногочисленных работ, посвященных Ноябрьской революции непосредственно, в статье используются и некоторые из очень большого числа работ, в которых Ноябрьская революция, или отдельные ее проблемы, рассматриваются, как часть более широкого круга вопросов. Ссылки на эти работы интересны тем, что они показывают, в какой мере трактовка многих проблем Ноябрьской революции превратилась в буржуазно-реформистской историографии в «общее место» и преподносится, как нечто бесспорное. Этот простой «прием» буржуазные и реформистские историки широко используют для продолжения борьбы против идей революции и социального прогресса, которую в 1918—1919 гг. их предшественники — шейдемановские и буржуазные лидеры и военщина — вели против революции с помощью безудержной демагогии и «банд Носке». Историография Ноябрьской революции является не только отражением борьбы во время революции, но и ее продолжением.

Причины революции

Вопрос о причинах народной революции это вопрос о том, какие объективные обстоятельства заставили народные массы подняться против власти господствующих классов, и к чему они при этом стремились? Марксисты, с одной стороны, и представители буржуазии и социал-демократии, с другой, отвечали и отвечают на эти вопросы в отношении Ноябрьской революции по-разному.

Историки-марксисты показали в своих работах, что объективными обстоятельствами, породившими недовольство широких масс германского народа, были глубокие экономические и поли-

тические противоречия империализма, резко обострившиеся в результате войны, и что народные массы, поднявшись на революцию, стремились не только положить конец войне, как лживо утверждают буржуазные политики и историки, но и к уничтожению господства империализма и милитаризма в Германии.

В то время как историки-марксисты сосредоточили свое внимание на всестороннем изучении объективных предпосылок, создавших революционную ситуацию, и субъективных факторов, превративших революционную ситуацию в революцию, — те буржуазные и реформистские историки, которые в какой-то мере учитывают постепенное назревание революционной ситуации, ограничиваются, за отдельными исключениями, ссылками на утомление и рост недовольства народа в связи с затянувшейся войной, концентрируя свое внимание на том, что происходило в годы войны в «верхах» общества.

Лишь в немногих работах буржуазных и реформистских авторов в связи с рассмотрением вопроса о причинах Ноябрьской революции упоминается о борьбе между пролетариатом и буржуазией до войны в качестве фактора, подготовившего революцию. Крайне редко в этих работах уделяется внимание революционной борьбе германских рабочих, матросов и солдат в годы войны.

Крупнейший немецкий буржуазный историк конца XIX—первой половины XX в. Фридрих Мейнеке в своей первой статье о Ноябрьской революции (1919 г.) писал: «Развитие капитализма и крупной промышленности и противоречия между буржуазией и пролетариатом сделали революцию возможной, но не они непосредственно ее вызвали».¹ Спустя 10 лет он утверждал, что «день 9 ноября был концом процесса развития, который продолжался в течение всей войны», и что «нельзя исключительно в упущениях правительства видеть причины революции. С самого начала было исключено, что с помощью реформ можно завоевать на сторону государства социалистический рабочий класс».²

Однако эти правильные утверждения не получили развития в немецкой буржуазной (и в реформистской) историографии, в том числе и в работах самого Ф. Мейнеке. Более того, в полном противоречии с этими утверждениями в статье, опубликованной в 10-ю годовщину Ноябрьской революции, Ф. Мейнеке заявлял, будто бы «можно со всей определенностью сказать, что

¹ F. Meinecke. Nach der Revolution. Geschichtliche Betrachtungen über unsere Lage. München u. Berlin, 1919, S. 42—43 (курсив мой, — В. Б.).

² F. Meinecke. Die deutsche Revolution. Ursachen und Tatsachen. «Handbuch d. deutschen Staatsrecht», Bd. I. Tübingen, 1930, S. 99—111.

монархия в Германии могла быть спасена своевременным отречением кайзера».³

Представитель реформистской историографии Артур Розенберг, уделивший в своей «Истории Веймарской республики» несколько страниц революционной, антивоенной борьбе в Германии в годы войны, пишет, что «массы разочаровались в партиях большинства рейхстага после январской стачки. Они стали полагаться на свои силы и ждали лучшей возможности, чем в январе».⁴ Но этот правильный вывод не мешает ему выступить в своей книге с домыслами насчет «случайности» революции.⁵

Революционной борьбе в Германии в годы войны посвящены первые главы в опубликованных до 1933 г. работах по истории Ноябрьской революции и Веймарской республики, принадлежащих перу Е. Лабугле (атташе аргентинского посольства в Берлине в годы войны), американских историков Р. Лутца и Е. Луэра, англичанина (корреспондента «Times» в Берлине) Г. Даниельса, а также ряд страниц в труде американского историка Л. Бенна по истории Европы с 1914 г.⁶ Даниельс начинает свою книгу словами, с которыми нельзя не согласиться: «Хотя и представляя непосредственный результат потерянной войны, она (революция, — В. Б.) уходит своими корнями в политическую историю XIX в. Ее зародыши появились в 1865 г., когда В. Либкнехт порвал с политикой Лассаля».⁷

Отмечают значение революционных традиций и активную роль народных масс в Германии в период Ноябрьской революции (не останавливаясь, однако, на революционной борьбе в годы войны) и авторы первых очерков о событиях Ноябрьской революции — прогрессивный английский журналист Г. Юнг и реакционный американский журналист М. Боутон.⁸

³ F. Meinecke. Werke, Bd. 2. Politische Schriften und Reden. Darmstadt, 1958, S. 421.

⁴ A. Rosenberg. Entstehung und Geschichte der Weimarer Republik. Frankfurt am Main, 1955, S. 195.

⁵ Там же, стр. 214—240.

⁶ E. Labouglé. La révolution allemande de 1918. Paris, 1928. (1-е изд. на испанском яз. Буэнос-Айрес, 1921); R. H. Lutz. The German Revolution 1918—1919. Stanford Press, 1922; E. Luehr. The New German Republic. (The Reich in Transition). N. Y., 1929; H. Daniels. The Rise of the German Republic. London, 1927; L. Benns. Europe since 1914. N. Y., 1931.

⁷ H. Daniels, ук. соч., стр. 1 (Курсив мой, — В. Б.).

⁸ G. Joung. The New Germany. London, 1920. При этом весьма актуально звучат следующие слова Юнга: «Мы не выиграли мир, а создали предпосылки новой войны...», потому что «мы не поддерживали прогрессивные, т. е. революционные силы, и не подавляли реакцию, т. е. прусса-

Пример русского народа, свергнувшего самодержавие и особенно влияние Великой Октябрьской социалистической революции на Германию, огромное морально-политическое, вдохновляющее воздействие этих событий на германский парод в качестве причины, способствовавшей назреванию и первоначальному успеху Ноябрьской революции, отмечается многими буржуазными и реформистскими авторами. Об этом пишут, например, первые буржуазные историки революции Ф. Рункель, Е. Менке-Глюкерт, Г. Онкен, Ф. Штампфер, Г. Юнг.⁹ Р. Лутц отмечает, что «германский пролетариат задолго до Ноябрьской революции находился под глубоким впечатлением успехов большевиков», а «после Ноябрьской революции позиция Германии по отношению к большевизму продолжала быть одной из первейших проблем и правительства и широких масс народа».¹⁰ Социал-демократ Макс Беер делает еще более широкий вывод: «Германский империализм погиб в результате превосходства врагов и русской революции».¹¹ Западногерманский историк В. Таймер признает, что «влияние русской революции на международное рабочее движение было огромно. В тот идеалистический, героический период от русской революции шла мощная притягательная сила».¹²

Нет недостатка и в попытках отрицать или преуменьшить влияние русской революции на Германию и свести все дело к воздействию пропаганды «большевистских агентов».¹³

чество». (Там же, стр. 3). М. Боутон, называя германскую революцию «по своему происхождению и осуществлению пролетарской и социалистической», сожалел, что особенностью Ноябрьской революции было то, что якобы «германский народ был духовно и физически ослаблен и отравлен интернационализмом». (M. Bouton. Das Ende d. Grossmacht Deutschlands. Berlin, 1923, S. 126, 175. 1-е изд. на английском яз. 1919 г.). Последнюю мысль развивает теперь западногерманский историк Г. Хайдеггер (H. Heidegger. Die deutsche Sozialdemokratie und der nationale Staat 1870—1920. Göttingen, 1956, S. 375).

⁹ F. Runkel. Die deutsche Revolution. Berlin, S. 45; E. Menke-Glückert. Novemberrevolution. Leipzig, 1919, S. 10; H. Onken. Die inneren Ursachen der Revolution. «Annalen für soziale Politik», 1918, N 3/4 (Dezember), S. 259; F. Stampfer. Der 9 November. Berlin, 1919, S. 14; G. Jung, ук. соч., стр. 3.

¹⁰ R. H. Lutz, ук. соч., стр. 120, 121.

¹¹ М. Беер. Всеобщая история социализма и классовой борьбы. Л.—М., 1924, стр. 118. Англичанин Р. Кларк пишет, что «отрицание влияния Февральской революции на Германию опровергается множеством доказательств» (R. Clark. The Fall of German Republic. London, 1935, p. 32).

¹² W. Theimer. Von Bebel zu Ollenhauer. Der Weg der deutschen Social-Demokratie. Berlin, 1957, S. 57.

¹³ Философ-капиталист В. Ратенау писал, что германский народ «оберусские революции воспринял пассивно» (W. Rathenau. Kritik der dreifachen Revolution. Berlin, 1919, S. 10). Западногерманский историк К. Брахер лишь вскользь упоминает о «психологическом влиянии русской рево-

Необходимо подчеркнуть, что в буржуазно-реформистской историографии как признание, так и отрицание влияния «русского примера» на Германию, ни с какими исследованиями этого вопроса не связано и является совершенно голословным.¹⁴

В буржуазно-реформистской историографии решительно преобладает игнорирование или недооценка всей глубины классовых противоречий в Германии и предшествовавшей революционной борьбы германского пролетариата в качестве предпосылки Ноябрьской революции. При этом, исходя из своего негативного отношения к закономерности революции и считая аксиомой тезис, что «современная революция может возникнуть лишь на почве военного поражения»,¹⁵ буржуазные и реформистские авторы подменяют вопрос о причинах Ноябрьской революции вопросом о причинах поражения Германии в войне.¹⁶ «Революция есть непосредственное следствие краха нашей военной мощи, — писал в 1919 г. Ф. Мейнеке, — поэтому необходимо установить причины этого краха».¹⁷

Крайние реакционеры еще во время революции выступили с противоположным утверждением, согласно которому революция, возникшая в результате происков «внутренних врагов» — марксистов и евреев, пропаганды противников Германии и ошибок германских правящих кругов, — нанесла «удар ножом в спину германской армии», якобы не потерпевшей поражения на поле боя.¹⁸

люции» (K. Bracher. Die Auflösung der Weimarer Republik. Stuttgart u. Düsseldorf, 1957, S. 15).

¹⁴ Реакционный историк Г. Тидеман, написавший (частично на архивных материалах) специальную работу по данному вопросу, с одной стороны, утверждает, что «Ноябрьская революция была сделана врагами Германии на русские деньги», с другой же стороны — отмечает рост революционных настроений в народе, страх правящих кругов и их готовность пойти на некоторые либеральные реформы в результате «политико-идеологического влияния русской революции на Германию» (H. Tiedemann. Sowjetrussland und die Revolutionisierung Deutschlands 1917—1919. Berlin, 1936, S. 136, 50—52). Наоборот, видный германский либеральный историк старшего поколения В. Валентин явно недооценивает влияние Октябрьской революции на Германию, сводя все дело к пропаганде, значение которой он тоже отрицает (Veit Valentin. The German People. Their History and Civilisation from the Holy Roman Empire to the 3rd Reich). N. Y., 1946, p. 575).

¹⁵ Так пишет Ф. Рункель, ссылаясь на высказывание Ф. Шейдемана (F. Runkel, ук. соч., стр. 157).

¹⁶ Это обстоятельство было отмечено в статье Р. Бауэра (Roland Bauer. Zur Einschätzung des Charakters der deutschen Novemberrevolution 1918—1919. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» (далее «ZfG»), Jg. VI. 1958, S. 151, Bemerkung 40).

¹⁷ F. Meinecke. Nach der Revolution, S. 11.

¹⁸ Одними из первых легенду о «непобежденности» германской армии на поле боя выдвинули сами побитые германские генералы: П. Гинденбург,

Эта пресловутая «Дольхштосслегенде» (легенда о «кинжале в спину»), занимавшая видное место в крайне реакционной (особенно в фашистской) пропаганде и «историографии»,¹⁹ полностью опровергнута трудами марксистских историков по истории Ноябрьской революции. Отвергается «Дольхштосслегенде» и реформистами, и большинством буржуазных историков, считающими, что главной причиной военного поражения Германии было материально-техническое превосходство ее противников.²⁰

в его опубликованном 9 XI 1918 г. «обращении ко всем немцам», крон-принц герцог Вюртембергский и др., в своих «прощальных» приказах, изданных в начале ноября (см.: «Militär Zeitung», 9 XI 1918, № 45; 30 XI, № 48, 7 XII, № 49).

¹⁹ См., например: Wilh. Kloeber. Vom Weltkrieg zur nationale Revolution. Deutsche Geschichte 1914—1933. Oldenburg, 1933, S. 58; E. Anrich. Deutsche Geschichte. Leipzig, 1943, S. 20; F. Stieve. Geschichte des deutschen Volks. 16 Aufl., München u. Berlin, 1943, S. 444, 445; Н. Тидеманн, ук. соч. Английский историк В. Найт-Петерсон, отмечая тот факт, что глава республиканского правительства Ф. Эберт в своем выступлении 10 декабря 1918 г. в Берлине при встрече войск генерала Леки поддержал живую версию генералов о «непобежденности» германской армии на поле боя, пишет, что «так родилась легенда, которая привела Гитлера к власти» (W. M. Knight-Patterson. Germany from Defeat to Conquest. 1913—1939. London, 1945, p. 226). Вывод несколько преувеличенный, но не лишенный основания.

²⁰ См.: Н. Delbrück. Ludendorfs Selbstporträt. Berlin, 1922; Ad. Köster. Fort mit Dolchstosslegende! Warum wir 1918 nicht weiter kämpfen konnten. Berlin, 1922. Катастрофа, в которую ввергли Германию гитлеровцы, заставила некоторых буржуазных авторов вновь заняться обстоятельным опровержением «Дольхштосслегенде». Из работ, вышедших после 1945 г., заслуживают внимания книги Г. Шредера и Л. Рудольфа. Шредер проводит параллель между окончанием первой и второй мировой войны с тем, чтобы предупредить возникновение какого-либо нового варианта «Дольхштосслегенде». Шредер и Рудольф повторяют мысль А. Кестера о несовместимости этой легенды с воспитанием в Германии нового национального демократического сознания (Н. Schröder. Das Ende d. Dolchstosslegende. Geschichtliche Erkenntnis und politische Verantwortung. Hamburg, 1946; L. R. v. Rudolph. Die Lüge die nicht stirbt. Der «Dolchstoss» von 1918. Nürnberg, 1958. См. также: Ed. Hemmerle. Der Weg in die Katastrophe. Von Bismarcks Sturz bis zum Ende Hitler. München, 1948, S. 62—83). Многие ведущие западногерманские историки также не считают возможным поддерживать в настоящее время «Дольхштосслегенде» (см.: «Sachwörterbuch zum deutschen Geschichte», Hrg. H. Rossler und H. Franz, 2 Lieferung. München, 1956, S. 214; K. Bracher, ук. соч., стр. 14; Н. Herzfeld. Die Moderne Welt 1789—1945. T. 2. Braunschweig, 1952, S. 188—189), хотя в прошлом Г. Герцфельд был сторонником легенды об «ударе ножом в спину» (см.: Н. Herzfeld. Die deutsche Sozialdemokratie und die Auflösung des nationalen Einheitsstaat im Weltkrieg. Leipzig, 1928, S. 189—192. Осуждается «Дольхштосслегенде» и в работе А. Шварца (A. Schwarz. Die Weimarer Republik. «Handbuch d. deutschen Geschichte», Bd. IV. Senderdruck. Athenaiion, Konstanz, 1958). Однако в упомянутых работах западногерманских историков, возражающих против этой легенды, отсутствует соответствующая аргументация. В отличие от А. Кестера и Г. Шредера, — Г. Герцфельд, Г. Реслер, Г. Франц и А. Шварц даже

Признание этого факта не мешает некоторым из них до сих пор называть мировую войну 1914—1918 гг. «войной упущенных возможностей».²¹ А поиски ответа на вопрос: каким образом Германия могла выиграть первую мировую войну, или хотя бы избежать поражения, равносильны, для буржуазных и реформистских авторов, попыткам выяснить, каким образом можно было бы предотвратить революцию.²²

В этой связи многие буржуазные и реформистские авторы противопоставляют Ноябрьскую революцию революциям XVII—XIX вв., утверждая, что революция, начавшаяся в Германии в 1918 г., якобы отличается от предшествующих революций как своим происхождением, так и чисто негативным характером, являясь, мол, не революцией, а «просто» крушением старого порядка. Подобная трактовка *сущности* Ноябрьской революции, которая тем самым содержит одновременно и ответ на вопрос о ее *причинах*, была отчетливо сформулирована еще во время революции в публицистических выступлениях буржуазных и реформистских авторов, превратившись затем в одну из основных догм буржуазно-реформистской историографии Ноябрьской революции.

Достаточно сравнить высказывания буржуазных либералов: историков Г. Онкена (XII 1918 и в 1928) и Г. Дельбрюка (1919), социолога М. Вебера (XII 1918), В. Ратенау (1919), главных теоретиков 2-го Интернационала О. Бауэра (1919), К. Каутского (1919), шейдемановцев Ф. Штампфера (1919, 1935, 1957), П. Хениша (1920), Г. Мюллера (1928), социал-демократа М. Беера (1924), ренегата А. Розенберга (1928), идейного предшественника фашизма О. Шпенглера (1920), реакционера Э. Фолькмана (1930), фашистского «историка»

не пытаются объяснить весь вред насквозь лживой «Дольхштосслегенде» для политического воспитания народа, особенно молодежи, в духе демократии и антимилитаризма. Необходимо отметить и то, что в 50-х годах в Западной Германии имели место и попытки вновь оживить разоблаченную басню о революции как виновнице военного поражения Германии (см., например, *Der Weltkrieg 1914—1918*. Bd. XIV, Bundesarchiv, 1957, S. 763, 768 (цит. по.: L. Rudolph, ук. соч., стр. 121); W. Foerster, *D. Feldherr Ludendorff im Unglück*. Wiesbaden, 1952; I. Haller, *Die Epochen d. deutschen Geschichte*. List-Bücher, München, 1956, S. 232 (1-е изд. Stuttgart, 1926)). При этом повторяются старые, давно опровергнутые измышления.

²¹ Этот ошибочный и вредный для мирного и демократического развития Германии тезис, резюмированный в 1923 г. генералом Максом Гофманом в заглавии к его кн.: *Der Krieg der Versäumten Gelegenheiten*. München u. Berlin, 1923, дословно повторен в 1957 г. К. Брахером (К. Bracher, ук. соч., стр. 12).

²² Уместно вспомнить, что для буржуазной историографии применительно и к революциям XVII—XIX вв. характерно сочетание вопроса о причинах революции с поисками (задним числом) способов, с помощью которых можно было бы ее предотвратить.

Ф. Штиве (1943), современных западногерманских историков — Ф. Гартунга, Г. Герцфельда, В. Тормина, Г. Хейдеггера, К. Брахера, Э. Францеля, В. Трейе, Е. Грунера и Е. Зиберера, — чтобы убедиться в том, что все они, несмотря на различие их политических взглядов, — в оценке причин и сущности Ноябрьской революции, стоят в основном на одной и той же неизменной в течение 40 лет позиции: все они считают, что Ноябрьская революция явилась результатом военного поражения и ошибок «верхов».

Так, Г. Онкен в самом конце 1918 г. писал: «Революция не возникла неотвратимо из имманентной необходимости, а коренится в определенной исключительной ситуации».²³ «В отличие от революций 1789 и 1848 гг. — рассуждал в конце 1919 г. Ф. Штампфер, — Ноябрьская революция была результатом тяжелого поражения».²⁴ Э. Фолькман, автор одного из немногих в реакционной литературе очерков Ноябрьской революции «Германия в вихре революции» (который правильнее было бы назвать «Германия в вихре контрреволюции»), — писал в 1930 г.: «Разве эти полубессильные судороги поверженного войною, голодом и поражением народа, весь этот шум и спор были действительно революцией?»²⁵ Однако в полном противоречии с этой клеветой, повторяющей злобное брюзжание О. Шпенглера в 1920 г.,²⁶ Фолькман вынужден признать:

²³ H. Onken. Die inneren Ursachen der Revolution. S. 229. Эту же мысль он развивал и в 1928 г.: «Ноябрьская революция, несмотря на все сопутствующие явления, только условно может быть названа тем, что мы связываем с историческим понятием „революция“». (H. Onken. Zehn Jahre Deutsche Geschichte. In: «Zehn Jahre deutsche Geschichte, 1918—1928», Berlin, 1928, S. 6). См. также: H. Delbrück, ук. соч., стр. 61; M. Weber, «Gesammelte politische Schriften». München, 1921, S. 482; W. Rathenau, ук. соч., стр. 9.

²⁴ F. Stampfer. Der 9 November, S. 3. То же самое повторяет Ф. Штампфер в 1935 и 1957 гг. См.: F. Stampfer. 1) Die 14 Jahre der ersten deutschen Republik. Karlsbad, 1935; 2) Erfahrungen und Erkenntnisse. Aufzeichnungen aus meinem Leben Kom, 1957. См. также P. Henisch, Die Ursachen der Revolution. In: «Handbuch der Politik». Bd. II. Berlin u. Leipzig, 1920, S. 256; H. Müller, Die Novemberrevolution. Berlin, 1928. S. 13; O. Bauer. Die Weltrevolution. Wien, 1919, S. 221; K. Kautzki. Die Aufsichtungen der Revolution. «Arbeiterzeitung». Wien, 9 IV 1919, № 98. Morgenausgabe.

²⁵ Э. Фолькман. Германия в вихре революции. М.—Л., 1934, стр. 234.

²⁶ О. Шпенглер. Пруссачество и социализм. М., 1922, стр. 12; вслед за Шпенглером, назвавшим в бессильной злобе Ноябрьскую революцию «бессмысленнейшим актом немецкой истории» (там же, стр. 10), А. Розенберг называет Ноябрьскую революцию «удивительнейшей из всех революций», ибо массы, оказывается, «бунтовали против самих себя», так как у них, мол, не было других целей, кроме уже осуществленных «революцией сверху» в октябре 1918 г. (А. Rosenberg, ук. соч., стр. 229),

«И все же немецкий народ был глубоко, до самых недр своих потрясен этой „революцией“, все же эта революция стала началом новой эпохи».²⁷

С таких же позиций, как и авторы, высказывания которых цитировались выше, т. е. пытаюсь замолчать и извратить действительные причины революции и принизить тем самым ее значение, выступают и многие современные буржуазные историки. Вот что пишет Г. Герцфельд в своей книге «Современный мир. 1789—1945», рассчитанной на широкий круг читателей: «Те же причины, что и исход военной борьбы, обусловили и внутренний крах. Называть этот крах Ноябрьской революцией, значит затемнять то обстоятельство, что речь идет не столько о настоящей революции, вытекающей из внутренних условий нации и неодолимо прорвавшихся новых политических и социальных идей, а о последствиях безнадежного перенапряжения сил и ставшей очевидной явной бесперспективности [войны] в результате требований верховного командования заключить перемирие»;²⁸ Герцфельд почти дословно повторяет здесь то, что Г. Онкен писал еще в 1918 и 1928 гг. (см. выше). Таков же взгляд и многих других западногерманских историков.²⁹

Таким же антинаучным и поверхностным характером отличается понимание Ноябрьской революции и вызвавших ее причин в работах американских, английских и французских буржуазных историков.

Полностью в духе ноты Антанты от 16 VI 1919, в которой союзники пытались возложить ответственность за войну на весь немецкий народ и отрицать значение Ноябрьской революции,³⁰ Э. Вермейль клеветает: «военное поражение спровоцировало псевдо-революцию».³¹ Р. Кларк, лишь вскользь упоминая

см. также В. Тормин (W. Tormin. Zwischen Räterediktatur und Soziale Demokratie. Düsseldorf, 1954, S. 55). См. также: F. Stieve, ук. соч., стр. 444.

²⁷ Э. Фолькман, ук. соч., стр. 234.

²⁸ H. Herzfeld. Die Moderne Welt. 1789—1945. Bd. 2. S. 189.

²⁹ W. Tormin, ук. соч., стр. 55, 134. Впрочем, В. Тормин оговаривается, что в рамках его работы характер и причины революции не могут быть исчерпывающе выяснены (стр. 56). См. также: F. Hartung, «Historische Zeitung». München, 1956, Bd. 181, H. 3, S. 581; H. Heidegger, ук. соч., стр. 375; E. Franzel. Von Bismark zu Adenauer. Berlin, 1957, S. 89; E. Gruner u. E. Sieber. Weltgeschichte des 20. Jahrhunderts. Erlench—Zürich und Stuttgart, 1957, S. 50; W. Treue. Deutsche geschichte von den Anfängen bis zum Ende zweiten Weltkrieges. Stuttgart, 1958, S. 706.

³⁰ См.: Е. Тарле. Кризис Германии. Прп., 1924, стр. 9.

³¹ E. Vermeil. 1) Constitution de Weimar. Paris, 1923, p. 47; 2) L'Allemande contemporaine, social, politique, 1890—1950, t. II. Paris, 1953, p. 13; см. также: A. Rivaud. Les crisis Allemandes 1919—1931. Paris, 1932, p. 351.

о восстании в германском флоте в 1917 г. и о январской стачке 1918 г., отрицает связь между антивоенной борьбой в Германии в годы войны и революционной ситуацией в октябре 1918 г., создание которой, по его словам, «всцело вызвано военным поражением»; о Ноябрьской революции Кларк говорит как о революции «в кавычках».³² То же повторяют и многие другие английские и американские историки, в том числе и К. Пинсон, книгу которого западногерманский историк Ф. Эрнст хвалит за проявленное в ней «понимание немецкого духа».³³ При этом нельзя не заметить, что победа нацистов в Германии, а затем развязанная ими вторая мировая война оказали сильное влияние на английских и американских авторов и привели к еще большему умалению в их работах значения революционных и демократических традиций немецкого народа.

Большинство немецких буржуазных и реформистских авторов, так же как и часть их английских и американских коллег, полагает, что революции можно было бы избежать, даже несмотря на поражение, если бы... не ошибки правящих кругов. Резюмируя эту точку зрения, К. Брахер, ссылаясь на мнение Ф. Мейнеке, Э. Трелча, А. Розенберга и Э. Эйка, пишет, что «республика родилась, в сущности, в результате ошибок кайзера и его союзников»,³⁴ а американский историк И. Л. Снелл эту формулировку сделал заглавием своего доклада в Американской исторической ассоциации — «Республика в результате упущений», дословно повторяя этим заглавием домысел В. Ратенау.³⁵

Особенно стараются в выискивании ошибок «верхов», сыгравших, мол, «роковую роль» в судьбе кайзеровской Германии, немецкие буржуазные и реформистские авторы. При этом ре-

³² R. Clark, ук. соч., стр. 21, 25. (Курсив мой, — В. Б.).

³³ C. P.inson. Modern Germany. N. Y., 1954, p. 350 (Рец.: F. Ernst, «Historische Zeitschrift», 1956, Bd. 182, H. 2, S. 402); см. также: W. M. Knight-Patterson, ук. соч., стр. 207; G. Sheele. The Weimarer Republic. London, 1946, p. 57; A. J. Taylor. The Course of German History. London, 1946, p. 180; A. J. Berlau. The German Sozial-democratic Party. N. Y., 1949, p. 336; S. W. Halperin. Germany Tried Democracy. N. Y., 1946, Chapt. 5, 6; G. Barrachlough. The Origins of Modern Germany. Oxford, 1947, p. 439; J. Wheeler-Bennet. Die Nemesis der Macht. Die deutsche Armee in der Politik 1918—1945. Düsseldorf, 1954, S. 36 (с англ. изд. N. Y., 1954); H. J. Gordon. The Reichswehr and the German Republic 1919—1926. N. Y., 1957, p. 4; M. R. Falk. History of Germany from Reformation to the Present Days. N. Y., 1957, p. 321.

³⁴ К. Брахер, ук. соч., стр. 19.

³⁵ J. L. Snell. In: «Welt als Geschichte», Stuttgart, 1955, H. 3/4, S. 196—219. (Одна из глав вышеупомянутой брошюры В. Ратенау также называется: «Республика в результате упущений».)

шающее значение придается подчас совершенно второстепенным обстоятельствам: назначению главой первого парламентского кабинета принца Макса Баденского, а не Шейдемана или Эрцбергера; «преждевременному» обращению правительства М. Баденского к Вильсону с просьбой о перемирии; антигогенцоллерновской позиции Вильсона;³⁶ пассивности рейхстага и его исчезновению со сцены после 26 октября; бегству кайзера 29 октября из Берлина; попытке германских адмиралов вывести в конце октября флот для боя против англичан.³⁷ Большое значение среди подобных «упущений» придается также слишком позднему отречению кайзера от престола.³⁸

В буржуазно-реформистской историографии в качестве «роковых ошибок верхов» рассматриваются и более значительные обстоятельства и факты, которые, однако, неоправданно отрываются от всей сущности германского империализма. Таким об-

³⁶ Г. Герцфельд полагает, что нельзя еще дать исчерпывающий ответ на вопрос, являлось ли для Вильсона исчезновение монархии в Германии «*conditio sine qua non*» [обязательным условием] (H. Herzfeld. *Die Moderne Welt 1789—1945*, S. 189). Его американским коллегам И. Снеллу и Г. Кауфману, однако, ясно, что Вильсон решился выступить лишь против династии Гогенцоллернов, но отнюдь не против монархии в Германии вообще (см.: J. Snell, ук. соч., стр. 203; H. Kaufmann. *Monarchism in the Weimar Republic*. N. Y., 1953, p. 49). Коммунисты — авторы «Иллюстрированной истории» правильно указывают на то, что Вильсон демагогически стремился изобразить дело так, будто бы американский империализм борется за прогресс и цивилизацию. (*Illustrierte Geschichte der deutschen Revolution*. Berlin, 1929. S. 174).

³⁷ Так, например, Эрих Эйк (немецкий историк старшего поколения, работающий в Англии) пишет: «Отъезд Вильгельма в ставку свел на нет значение реформ, проведенных в октябре, и окончательно подорвал авторитет Вильгельма, но смертельный удар нанесли ему адмиралы» (E. Eysck. *Geschichte der Weimarer Republik. 1918—1925*. Erlenbach—Zürich, 1954, Bd. 2, S. 62, 63. См. также: J. Hohlfeld. *Geschichte d. Deutschen Reichs. [(1871—1924)]*, Leipzig, 1926, S. 616).

³⁸ «Если бы Вильгельм II вовремя отрекся, он спас бы Германию от революции», — категорически заявляет Ф. Рункель (F. Runkel, ук. соч., стр. 63); см. то же Б. Штюмке (B. Stümke. *Die Entstehung der deutschen Republik*. Frankfurt am Main, 1923. S. 125); то же самое утверждают западногерманские историки Г. Левенштейн (H. F. Löwenstein. *Deutsche Geschichte*, 2. Aufl. Frankfurt am Main, 1954, S. 643) и Е. Грунер и Е. Зибер (E. Gruner u. E. Sieber, ук. соч., стр. 50) и американские историки И. Снелл и Г. Кауфман (J. Snell, ук. соч., стр. 206; H. Kaufmann, ук. соч., стр. 49). Дж. Уилер-Беннет и В. Валентин более осторожны: они считают, что при «своевременном отречении Вильгельма» монархию в Германии «возможно» удалось бы сохранить. (См.: J. Wheeler-Bennet, ук. соч., стр. 39; V. Valentin, ук. соч., стр. 577). Ф. Мейнеке, также занимавший в 1919 г. более осторожную позицию в этом вопросе (см.: F. Meinecke. *Nach der Revolution*, S. 40), затем отказался от нее, вступив тем самым в противоречие со своими отдельными правильными высказываниями о причинах Ноябрьской революции (см. выше, стр. 230).

разом, например, трактуется установление в Германии в ходе войны диктатуры Людендорфа,³⁹ объявление беспощадной подводной войны, грабительские условия Брест-Литовского договора, весеннее наступление на Западном фронте в 1918 г., а также опоздание с парламентаризацией (т. е. с «революцией сверху»).

Некоторые буржуазные историки идут дальше и к числу ошибок правящих кругов и даже шире — правящих классов в целом, относят и их предыдущее (в довоенные годы) упорное сопротивление демократическим реформам, требование которых было основным содержанием политической борьбы передовой части рабочего класса перед войной. В этом упреке в адрес германских правящих классов — основная идея статьи Ф. Мейнеке «Nach der Revolution».⁴¹ Б. Штюмке, солидаризируясь с Мейнеке в том, что во время войны произошло столкновение идеи Obrigkeitsstaat с Volksstaat (под последним Штюмке подразумевает конституционную монархию), пишет, что «истинная причина революции в победе второй идеи над первой».⁴² С этой

³⁹ К. Брахер пишет: «Революция началась с установления военной диктатуры Людендорфа и Гинденбурга, так как эта диктатура означала конец Бисмарковской системы» (К. Bräher, ук. соч., стр. 12). Брахер ссылается при этом на указание Бисмарка о том, что военные не должны оказывать решающего влияния на политику (см. также: Н. Onken. Die inneren Ursachen. . ., S. 234). Мне думается, установление фактической диктатуры Людендорфа, хотя и противоречило совету Бисмарка, не означало «конец Бисмарковской системы», так как по существу последняя представляла собою диктатуру наиболее выдающегося представителя юнкерства. Во время войны 1914—1918 гг. таким человеком германским правящим классам показался Людендорф, когда же он обманул эти надежды, некоторые представители правого лагеря подвергли его жестокой критике (см.: Н. Delbügsk, ук. соч.).

⁴⁰ «Опоздали! Если бы реформы были на два месяца раньше, будущее Германии и всей мировой культуры безусловно было бы другим», — писал в 1919 г. находившийся в то время в Германии реакционный американский журналист М. Баутон (M. Baaton, ук. соч., стр. 66). См. также: F. Ripke, ук. соч., стр. 184: «Слишком поздно! опять оно сыграло в истории Германии роковую роль», — сетует по этому поводу Б. Штюмке (B. Stümke, ук. соч., стр. 91). А. Розенберг заявляет определенно, что если бы «буржуазно-демократический переворот», осуществленный в октябре, был произведен в августе, то это могло бы предотвратить революцию (см.: A. Rosenberg, ук. соч., стр. 214).

⁴¹ Г. Онкен тоже признает что «в революции повинны и ошибки нашей общественной жизни, которых можно было избежать» (H. Onken. Die inneren Ursachen der Revolution, S. 229).

⁴² B. Stümke, ук. соч., стр. 80—81, 248. В полном противоречии с таким определением причин Ноябрьской революции (в котором есть доля истины в том смысле, что борьба против полицейского государства сыграла свою роль в деле политического воспитания масс), Штюмке в другом месте заявляет, что «случай решил судьбу Германии, ибо Кильский мятеж был случаем» (там же, стр. 103). Ведь сам Штюмке говорит о той под-

мыслью согласен и Г. Гейдеггер, который пишет: «Слишком долго колебались с реформами в политической жизни».⁴³ Точно так же, по мнению Ф. Фриденсбурга, «если бы буржуазия свое политическое господство и волю к власти культивировала и организовала в той же мере, как и экономический подъем, то в ноябре 1918 г. события могли бы пойти иначе».⁴⁴ Иными словами, если бы империалистическая буржуазия Германии не была бы тем, чем она была на самом деле, а чем-то другим, то события, действительно, развивались бы иначе.

Бесспорно, что перечисленные выше так называемые ошибки «верхов» способствовали ухудшению военного положения Германии, или обострению политического кризиса в стране, или тому и другому вместе. Однако буржуазные и реформистские историки не учитывают, что все эти действия правящих классов и их представителей, которые в их трактовке выглядят случайными ошибками, вызванными якобы лишь недальновидностью тех, кто их совершал, в действительности не являются случайностью, а органически вытекают из самой природы германского империализма.

Невозможно допустить, чтобы германские империалисты, не перестав быть сами собой, заключили мир в Брест-Литовске без аннексий и контрибуций, или чтобы они отказались от авантюристического наступления на западном фронте весной 1918 г. Если же предположить, например, что кайзера побудили бы отречься раньше, что адмиралы не предприняли бы попытки навязать англичанам большое морское сражение, что парламентаризация была бы проведена в августе и т. д. и т. п., то (не говоря уже о том, что вместо этих «ошибок» правящие круги могли нагромоздить и другие), ведь нет и не может быть никаких доказательств, что эти измененные обстоятельства позволили бы ликвидировать политический кризис в условиях, когда поводов для общего взрыва и помимо восстания в Киле было достаточно и в других частях страны. В противном случае революция никогда не могла бы победоносно распространиться по всей Германии в течение нескольких дней.

готовке почвы, когда любой подобный «случай» мог привести к революции.

⁴³ Н. Heidegger, ук. соч., стр. 375; см. также: Н. Herzfeld, *Die Moderne Welt*, S. 189; F. Hartung, ук. соч., стр. 582; К. Bracher, ук. соч., стр. 15. «Ноябрьская революция произошла в результате поражения и запоздания с введением конституционного режима, который удовлетворил бы и буржуазные партии и социал-демократию». G. D. Cole, *Communism and Social-Democracy 1914—1931*, v. 1. London, 1958, p. 131/132.

⁴⁴ F. Friedensburg, *Die Weimarer Republik*, 1. Aufl., Berlin, 1946, S. 153.

Возвращаясь к сформулированной в начале настоящей статьи постановке вопроса о причинах революции (см. выше, стр. 229), мы видим, что точка зрения буржуазных и реформистских авторов, согласно которой Ноябрьская революция является «просто» крушением старого порядка в результате военного поражения и ошибок «верхов», означает не только их отношение к объективным причинам, создавшим в конце 1918 г. в Германии революционную ситуацию, но вместе с тем и определяет оценку ими тех субъективных причин, которые превратили революционную ситуацию в революцию, а именно: буржуазные и реформистские историки утверждают, что германский народ перед революцией стремился лишь к миру, а некоторые авторы, кроме того, считают, что массы хотели и демократических реформ, причем стремления масс в этом направлении якобы не шли дальше реформ, осуществленных в октябре 1918 г. в порядке «революции сверху».⁴⁵

Часть авторов договаривается до того, что «вплоть до Кильского мятежа в народе не было воли, стремления к революции».⁴⁶ Они утверждают, что антимонархические настроения в Германии в 1918 г. появились лишь во второй половине октября и только в связи с нотами Вильсона.⁴⁷ Отсюда вытекает,

⁴⁵ Почему же в таком случае произошла революция? — задается вопросом отстаивающий эту противоречащую фактам точку зрения, А. Розенберг (A. Rosenberg, ук. соч., стр. 229). Таким же вопросом, недоумевая и негодуя, задается и махровый реакционер генерал Е. Врисберг, который тоже полагает, что массы в октябре 1918 г. получили все, что хотели. (E. Wrisberg, Der Weg zur Revolution, Leipzig, 1921, SS. 135, 142, 143). «Недоразумение» произошло, по мнению А. Розенберга, в результате верхушечного характера реформ: массы не успели заметить и понять различие между системой Бетман-Гольвега и принца Макса. Отсюда и утверждение А. Розенберга, повторяемое В. Торминым, будто бы массы «бунтовали в ноябре против самих себя» (A. Rosenberg, ук. соч., стр. 229—231; W. Tormin, ук. соч., стр. 55). Несостоятельность этих утверждений Розенберга показана тов. К. Маммахом (Klaus Mammach, Zur Reformistischen Geschichtsschreibung über die Novemberrevolution. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», VI Jg. 1958, Sonderheft. Zum 40 Jahrestag der deutschen Novemberrevolution, 1918, S. 57—59).

⁴⁶ В. Stümke, ук. соч., стр. 103; почти дословно и столь же бездоказательно утверждает то же самое Вермейль (E. Vermeil, La Constitution de Weimar, p. 47); см. также: J. L. Snell, ук. соч., стр. 197; W. H. Kaufmann, ук. соч., стр. 48—49; G. D. Cole, ук. соч., стр. 131.

⁴⁷ «После третьей ноты Вильсона народ решил, что отставка кайзера даст мир» (В. Stümke, ук. соч., стр. 102); см. также: F. Stieve, ук. соч., стр. 444; K. Misch, Deutsche Geschichte in Zeitalter der Massen. Stuttgart, 1952, S. 261. Иначе, — и, как мы увидим ниже, более правильно, — судил об этом еще в 1922 г. советский историк Е. В. Тарле: «Трудно себе представить, что Вильгельм мог уцелеть и без третьей ноты Вильсона. Эта нота была лишь последним толчком, ускорившим движение трона Гогенцоллернов, уже валившегося в пропасть» (Е. В. Тарле. Три катастрофы. «Анналы», Пгр., 1922, № 2, стр. 81).

по их мнению, что и «революция сверху» была результатом лишь давления *извне*, имея своей целью представить Германию перед правительствами и общественным мнением Антанты и США в качестве подлинно демократического государства.

Подобные противоречащие фактам измышления о настроениях народных масс перед революцией должны обосновать «случайность» происшедшей революции; все эти измышления либо голословны, либо же аргументы, которыми их пытаются подкрепить, совершенно несостоятельны.

Каковы же эти аргументы?

И. Снелл и Г. Кауфман основываются на том, что подавляющее большинство германских газет вплоть до начала ноября было *против* отречения Вильгельма,⁴⁸ что не только правые, но и руководство лево-буржуазных партий и социал-демократии большинства вплоть до самого последнего момента (9 ноября) пытались спасти монархию (именно с этой целью они добивались в конце октября отречения Вильгельма) и, наконец, на том, что на последнем заседании рейхстага 26 октября лишь одни «независимые» требовали отречения Вильгельма и провозглашения республики.

Факты, на которые пытаются опереться Снелл и Кауфман, верны, но выводы их ошибочны. Оба эти автора не учитывают, что приводимые ими факты относятся лишь к деятельности лидеров буржуазных политических партий и социал-демократии, а также к высказываниям прессы. Но разве расчеты и заявления буржуазных парламентариев и обуржуазившейся верхушки социал-демократии большинства соответствовали стремлениям народа? И разве правильно отражала настроения народа буржуазная и шейдемановская пресса, подчиненная к тому же до начала октября строжайшей военной цензуре? Достаточно поставить эти вопросы, чтобы стало ясно, что те, кто ограничивается подобными аргументами, не могут правильно судить о настроениях, стремлениях и возможностях народных масс.

Измышления Штюмке, Вермейля, Снелла и некоторых других буржуазных историков об отсутствии в германском народе революционных настроений чуть ли не вплоть до начала революции, противоречит их же собственным утверждениям, будто бы своевременные демократические реформы могли предотвратить революцию (см. выше, стр. 240, сноска 40); ведь из последнего утверждения вытекает, что недовольство против пра-

⁴⁸ И. Снелл ссылается на брошюру А. Брауна с подборкой статей германской печати (с 10 X по 5 XI), требующих отставки кайзера (А. Braun. Die Sturmvoegel der Revolution. Berlin, 1919) и указывает на то, что газет, *отстаивающих* монархию и Вильгельма, было неизмеримо больше.

вяхщих кругов накопилось уже давно, а противодействие германских правителей назревшим преобразованиям не могло не привести к дальнейшему накоплению недовольства и к обострению в ходе войны политического кризиса.⁴⁹

Бесспорно, что в поспешном проведении в октябре 1918 г. демократических реформ важную роль сыграли и давление Вильсона с демагогической целью, и внешнеполитические расчеты германских правящих кругов. Отмечая это обстоятельство, коммунисты — авторы «Иллюстрированной истории германской революции» — вместе с тем показывают, что *главное* все же заключалось в том, что «правительство и генералитет чувствовали дыхание революции».⁵⁰ Вынуждены признать это и многие буржуазные и реформистские историки, часть которых возражает против объяснения «революции сверху» одним лишь давлением извне.⁵¹

Характеризуя настроения германского народа задолго до того, как поражение Германии стало фактом, Е. Менке-Глюкерт писал: «летом 1918 г. уже откровенно говорили о республике и об изгнании князей», «массы стремились теперь (во второй половине 1918 г., — В. Б.) все более угрожающим образом к устраниению господства ненавистного юнкерства. В нем они видели — справедливо, или нет — препятствие к миру».⁵² Р. Лутц, использовавший гораздо шире, чем его соотечественники И. Снелл и Г. Кауфман (писавшие 30 лет спустя) немецкую публицистику 1919—1921 гг., пришел к правильным выводам,

⁴⁹ Об этом сказано и у Ф. Мейнеке: «Те, кто противодействовал реформам, были за аннексии», но «массы вступили в войну, веря, что она оборонительная. Аннексионистские цели превращали войну в завоевательную. Массы об этом ничего не хотели знать» (F. Meinecke. *Nach der Revolution*, S. 31, 32). Однако сам Мейнеке с большим опозданием и далеко не до конца осознал пагубность для Германии империалистической и реакционной политики ее правящих кругов, так и не поняв, что они не могли проводить иную политику.

⁵⁰ *Illustrierte Geschichte d. deutschen Revolution*. Berlin, 1929, S. 169. В этой связи уместно вспомнить признание одного из инициаторов «революции сверху» — П. Гинденбурга, который о политической обстановке в Германии в конце сентября 1918 г. писал в своих мемуарах: «Революция стояла перед дверьми. Надо было выбирать между диктатурой и гибкой политикой. Парламентское правительство было лучшим оборонительным средством». (P. Hindenburg. *Aus meinem Leben*. Leipzig, 1920, S. 393).

⁵¹ Ф. Мейнеке писал, что «о готовности Германии к реформам свидетельствует быстрота и легкость произведенных перемен» (F. Meinecke. *Nach der Revolution*, S. 9), см. также: Н. Müller, ук. соч., стр. 7; А. Rosenberg, ук. соч., стр. 224; К. Spiecker. *Germany from Defeat to Defeat*. London, 1945, p. 34. Однако ход событий свидетельствовал, что Германия была «готова» не столько к реформам, сколько к революции.

⁵² E. Menke-Glückert. *Novemberrevolution*. Leipzig, 1919.

что «общественное мнение решительно повернуло против правительства на 4-м году войны» и что «республиканский дух, сокрушенный в 1848 г., отомстил за себя в 1918 г.».⁵³ Такова же, в отличие от измышлений Б. Штюмке, Е. Вермейля и И. Снелла, и позиция тех буржуазных авторов, которые уделяли в своих работах известное внимание росту революционных настроений и революционной борьбе в Германии в годы войны (см. выше, стр. 231).

В буржуазно-реформистской историографии признается, что немецкий народ воспринял совершенно *равнодушно* все реформы периода «революции сверху»,⁵⁴ но объясняется это обстоятельство большинством буржуазных и реформистских авторов лишь тем, что реформы, мол, запоздали, и что народные массы перед революцией стремились только к миру. Однако в дальнейшем многие из этих авторов вступают в противоречие с этим основным тезисом буржуазно-реформистской историографии Ноябрьской революции, как только они переходят к характеристике стремлений народных масс *в первые дни* революции и признают при этом энергично выраженные стремления рабочего класса к социализму.

Э. Бернштейн пишет в своей книжке о том, что рабочие требовали от Совета Народных Уполномоченных немедленного введения социализма,⁵⁵ Р. Лутц приходит к выводу, что «социализм был, безусловно, великим идеалом Ноябрьской революции»,⁵⁶ Р. Копер также считает, что «большинство рабочих хотело социализма».⁵⁷ Даже В. Тормин, всячески старающийся (вслед за А. Розенбергом) преувеличивать демократические и реформистские стремления германских рабочих в ущерб социалистическим, отмечает в своей работе, что «массы верили, что революция принесет освобождение рабочего класса и социализм».⁵⁸

⁵³ R. H. Lutz, ук. соч., стр. 19—20, 56.

⁵⁴ См.: E. Menke-Glückert, ук. соч., стр. 14; Кларк пишет: «К концу войны вопрос о конституционной реформе в Пруссии, о смене канцлера и об установлении парламентского правления вызывал мало интереса... Люди хотели мира» (R. Clark, ук. соч., стр. 34); В. Валентин пишет, что «всеобщее избирательное право в Пруссии и прочие конституционные изменения... выглядели теперь (в октябре, — В. Б.) явным издевательством» (V. Valentin, ук. соч., стр. 577).

⁵⁵ Э. Бернштейн. Германская революция. Берлин—Дрезден, 1921, Изд. «Восток», стр. 288.

⁵⁶ R. H. Lutz, ук. соч., стр. 71.

⁵⁷ R. Coper. Failure of a Revolution Germany 1918/1919. Cambridge, 1955, p. 93, 99. Об этом же пишут М. Боутон (M. Bauton, ук. соч., стр. 126), С. Рубинштейн (S. Rubinstein. Romantischer Sozialismus. München. 1920, S. 24, 41); Г. Мюллер (H. Müller, ук. соч., стр. 190).

⁵⁸ W. Tomlin, ук. соч., стр. 61, см. также стр. 104, 124. Ренегат же Пауль Леви, перекликаясь с представителями крайней реакции, дошел до

Противоречия между оценкой настроений народных масс до и после начала революции выступают особенно отчетливо у Б. Штюмке и А. Розенберга. Штюмке, утверждавший, что вплоть до самого восстания в Киле в народе не было революционных настроений,⁵⁹ так характеризует стремления рабочих в первые дни революции: «Монархия потеряла в массах всякую поддержку. Теперь рабочие хотели иметь свое государство и думали, что они близки к этой цели».⁶⁰ Загадку — каким образом в массах за несколько дней (с конца октября до начала ноября) произошел такой перелом — Штюмке не разъясняет. В такое же противоречие впадает и А. Розенберг, с одной стороны, категорически утверждая, что до революции «массы стремились к миру и к буржуазной демократии — не больше»,⁶¹ а, с другой стороны, признавая, что с началом революции «в широких слоях народа, не только среди рабочих, но и среди интеллигенции, распространилось убеждение, что старый капиталистический порядок себя изжил».⁶² От противоречия между этими обоими утверждениями он пытается отделаться фразой: «Поразительно, что требование социализма было не причиной, а следствием Ноябрьской революции»,⁶³ не пытаясь объяснить, откуда и почему «вдруг» возникло «требование социализма».

К. Миш, в противоположность А. Розенбергу, и в отличие от К. Мильке, Г. Герцфельда и А. Шварца, замалчивающих в написанных ими учебных пособиях по истории, социалистические стремления германских рабочих в Ноябрьской революции,⁶⁴ считает, что «рабочий класс хотел не столько демократической, сколько социалистической республики», что «рабочие были равнодушны к демократической республике, они хотели социализма, или, по крайней мере, мероприятий, которые вели к нему».⁶⁵ Такое же мнение высказывается и в опубликованной в 1959 г. работе английского историка А. Ридера, который пишет, что для германских социалистов «демократия мало что значила без социализма»,⁶⁶ что очень справедливо в отношении рядовых социал-демократов и их сторонников среди рабочих.

утверждения, что в Ноябрьской революции «пролетариат в своей массе довольствовался ролью движущей силы, не имеющей собственной цели», что «пролетариат не понимал необходимости свергнуть капитализм».

⁵⁹ В. Stümke, ук. соч., стр. 93, 103.

⁶⁰ Там же, стр. 139.

⁶¹ А. Rosenberг, ук. соч., стр. 229.

⁶² Там же, стр. 289; а также: стр. 302—304, 344.

⁶³ Там же, стр. 289.

⁶⁴ К. Mielcke. Geschichte der Weimarer Republik. Braunschweig, 1951; Н. Herzfeld. Die Moderne Welt; А. Schwarz, ук. соч.

⁶⁵ К. Misch, ук. соч., стр. 272, 283.

⁶⁶ А. J. Ryder. The German Revolution 1918—1919, London, 1959, p. 4.

Однако подавляющее большинство буржуазных и реформистских историков исходит из того, что накануне революции германский народ стремился только к миру. Им очень трудно согласиться с тем, что германский рабочий класс в ноябре 1918 г. поднялся против господствующих классов не только во имя мира и демократии, но и во имя ликвидации капиталистического строя. По-видимому, им необходимы данные о массовых выступлениях пролетариата под социалистическими лозунгами во время самой войны, словно первоочередная в то время для судьбы народа борьба за мир не была одновременно борьбой против буржуазии и юнкерства, борьбой, которая к моменту революционного взрыва была уже направлена не на изменение политики господствующих классов, а на устранение самого их господства.

О роли Советов рабочих и солдатских депутатов

Ярчайшим проявлением враждебности рабочих и солдат к старому строю и их попыткой взять в собственные руки осуществление своих чаяний было создание во всей Германии в течение одной недели Советов рабочих и солдатских депутатов. В. И. Ленин придавал огромное значение тому, что революция в Германии сразу приняла советские формы, усматривая в этом доказательство исторического краха буржуазной демократии и торжество (в общен историческом смысле) основной формы новой, зародившейся в России, пролетарской демократии — Советов.⁶⁷

Изучение роли Советов занимает центральное место в марксистской историографии Ноябрьской революции, причем важнейшие ее выводы сводятся к следующему.

Советы в Германии возникли по примеру Советов в России, но развитие их пошло по иному пути. В результате активности народных масс — рабочих, солдат и матросов, и величайшего кризиса «верхов», соотношение сил между Советами, с одной стороны, и буржуазией, юнкерством и их государственным аппаратом, с другой, в самом начале революции, особенно на ее первом этапе (3—11 ноября) было весьма благоприятным для Советов. Советы стихийно возникли в Германии вопреки воле социал-демократических лидеров большинства, однако ввиду отсутствия марксистско-ленинской партии, их возглавили в основном шейдемановцы, которые их и ликвидировали. Немецкие рабочие не понимали подлинного назначения Советов, как органов власти, несовместимых с буржуазным парламентаризмом, причем главную роль в затемнении сознания рабочих

⁶⁷ См.: В. И. Ленин, Соч., т. 28, стр. 454.

в этом отношении сыграли лидеры «независимых» с помощью «гениально-филистерской», «смехотворной», — по словам Ленина, — попытки сочетания Советов с Национальным собранием, и отрицания пригодности для Германии русского опыта. В статье «Герои Бернского Интернационала» (май 1919 г.) Ленин проследил эволюцию путанной и непоследовательной позиции партии «независимых» по вопросу о лозунге «вся власть Советам!» в период с осени 1918 г. по апрель 1919 г.⁶⁸

В работах историков-марксистов показано, что соотношение сил между Советами и их врагами: буржуазией, юнкерством, военщиной, лидерами шейдемановцев и правых «независимых», неуклонно изменялось в пользу последних. Это ярко проявилось в «самоубийственном» для Советов⁶⁹ предательском решении I Съезда Советов (которое было принято большинством шейдемановцев и частью «независимых»), не предусматривавшем системы Советов в качестве основы будущей конституции и назначившем выборы в Учредительное собрание на 19 января.

Историками-марксистами показано, что в конце 1918 и в 1919 г. очень многие низовые и местные Советы в Германии не раз активизировали свою деятельность, выступая против контрреволюционных распоряжений СНУ, а иногда и против самого СНУ, не признавая его компетенции, и что одновременно во многих местах шла борьба между низовыми и вышестоящими Советами. Влияние буржуазии и оппортунистов в последних было обычно значительно сильнее, чем в низовых Советах. Вопрос о борьбе части местных Советов с СНУ занимает одно из главных мест в большинстве марксистских работ по истории Ноябрьской революции, однако до сих пор политика, проводимая лидерами социал-демократии против Советов «сверху» выяснена лучше, чем борьба против этой политики «снизу» в масштабе всей Германии.

Работы, опубликованные в порядке дискуссии на страницах «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft» в 1956—1957 гг. и особенно в 1958 г. в связи с 40-летием Ноябрьской революции,⁷⁰ основывающиеся на новых архивных материалах и прессе того

⁶⁸ См.: В. И. Ленин, Соч., т. 29, стр. 362—370, особенно стр. 364; см. также по этому вопросу: Соч., т. 28, стр. 445, т. 29, стр. 149, 286.

⁶⁹ См.: R. Luxemburg. Eberts Mameluken. «Rote Fahne», 20 XII 1918. (In: «Ausgewählte Reden u. Schriften» Bd. 2, Berlin, 1951, S. 645).

⁷⁰ См., например, H. Colbe. Sturmtage. Leipzig, 1958; статьи: G. Puchta, H. Beutel, K. Krone, H. Lohse. In Wissenschaftliche Zeitschrift Universität, Leipzig, Jg. 7, 1957/1958, H. 4; und Broschüren, die von den Kommissionen zur Erforschung der Geschichte der örtlichen Arbeiterbewegung bei den Bezirks- und Kreisleitungen der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands zum Thema «Die Novemberrevolution 1918 und die Gründung der KPD» herausgegeben sind». (Zf. G. 1959, H. 1, S. 224—229).

времени, показали, что Советы по характеру своей деятельности с самого начала революции и в ходе ее были весьма различными. Часть Советов находилась под влиянием левых «независимых», спартаковцев и левых радикалов. Между лидерами и средним звеном руководства партии шейдемановцев, с одной стороны, и ее рядовыми членами, с другой, существовал разрыв. Внутри Советов шла борьба между сторонниками и противниками революционных действий. «Однако, — как сказано в тезисах ЦК СЕПГ к сорокалетию Ноябрьской революции, — только незначительная часть Советов вела борьбу за слом старого реакционного государственного аппарата и подрыв власти монополистов и юнкеров».⁷¹

Каково же мнение о соотношении сил между Советами и их врагами и какова оценка дальнейшей эволюции Советов в буржуазно-реформистской историографии? Многие буржуазные и реформистские историки и мемуаристы не скупятся на энергичные выражения для характеристики благоприятного для Советов соотношения сил в начале революции. Эти признания явно пронизаны страхом перед Советами: Е. Менке-Глюкерт жалуется на то, что «Советы (общее число которых он определяет в 10 тысяч) захватили господство, зачастую устраняли старые городские и общинные управления, вмешивались в сложную машину хозяйственной жизни, смещали чиновников, школьных директоров и учителей, вычеркивали закон божий из школьных программ, — короче, чувствовали себя полными хозяевами. На распоряжения вышестоящих учреждений они не обращали внимания».⁷² В. Штюмке пишет, что многие Советы «внезапно достигнув власти и влияния, неправильно понимали свои задачи: многие начали управлять самовольно, социализировали, конфисковывали частную собственность, бесчинствовали».⁷³ По мнению С. Рубинштейна, если бы движение (т. е. организация и действия Советов, — В. Б.) продолжало копировать русский пример, дело дошло бы до диктатуры пролетариата.⁷⁴

⁷¹ «Die Novemberrevolution 1918 in Deutschlands». Thesen des Zentralkomitees zum 40. Jahrestag der Novemberrevolution. These 13. In: «Einheit», 1958, № 10.

⁷² E. Menke-Glückert, ук. соч., стр. 72. Враждебный германской реакции англичанин Г. Юнг совершенно верно характеризовал в 1920 г. обстановку так: «При первом порыве революции в ноябре 1918 г. военная сила офицерской касты была сломлена и политическая власть земли и денег уменьшилась до ничтожества. Но не было препятствия для восстановления этой власти, а бюрократия осталась незатронутой» (G. Jung, ук. соч., стр. 11).

⁷³ В. Stümke, ук. соч., стр. 156.

⁷⁴ S. Rubinstein, ук. соч., стр. 45.

Почти все буржуазные и реформистские авторы пишут о том, что не только в первые дни, но и в первые недели, а кое-где и в первые месяцы революции СНУ и сменившее его правительство Шейдемана не имели в своем распоряжении средств насилия, чтобы заставить выполнять свои распоряжения те местные Советы, которые отказывались им подчиняться. Ф. Шейдеман вспоминает в своих мемуарах, что его «в течение целых недель бомбардировали жалобами на действия местных Советов... При этом самым ужасным было то, что у меня и у нас вообще не было в распоряжении никаких путей властного воздействия».⁷⁵ Г. Юнг пишет, что «в результате политики СНУ, Советы пришли в яростное противоречие с ними».⁷⁶ В. Тормин посвящает специальную главу «Контрнаступлению Советов» в первые месяцы 1919 г. Об этом же пишут Б. Штюмке, Ф. Фриденсбург, А. Розенберг, В. Апелт, Е. Хеммерле, В. Варайн, М. Геринг, Р. Лутц, Р. Кларк, Г. Холборн, К. Пинсон, Р. Копер и многие другие.⁷⁷

Сила советского движения произвела такое впечатление на реакционера И. Хольфельда, что он пустился в путаные рассуждения о необходимости «сочетания в Германии западноевропейского парламентаризма с восточноевропейской советской системой», которая «лучше, чем парламентарная система, обеспечивает представительство сословных интересов» и «обеспечивает влияние трудящихся» (I)⁷⁸

Запутать вопрос о происхождении и о сущности Советов пытается В. Тормин, автор единственной в буржуазной историографии работы, специально посвященной Советам в Ноябрьской революции. Советы, по его мнению, возникли после начала революции, были ее продуктом, а не ее инициатором.⁷⁹ В действительности же, во-первых, Советы возникли не «после», а в процессе революции; во-вторых, без создания Советов, возглавивших действия масс и противопоставивших себя в боль-

⁷⁵ Ф. Шейдеман. Крушение империи. М., 1923, стр. 282.

⁷⁶ G. Jung, ук. соч., стр. 14.

⁷⁷ В. Stümke, ук. соч., стр. 101; F. Friedensburg, ук. соч., стр. 287; W. Apelt. Geschichte der Weimarer Verfassung. München, 1946, S. 121; E. Hemmerle, ук. соч., стр. 81; W. Tormin, ук. соч., стр. 56, 89; H. J. Warain. Freie Gewerkschaften, Sozialdemokratie und Staat. D. Politik d. Generalkommission unter d. Führung Carl Legiens 1890—1920. Düsseldorf, 1956, S. 121; Martin Göhring. Bismarks Erben 1890—1945. Deutschlands Weg v. Wilhelm II bis Ad. Hitler. Wiesbaden, 1959, S. 146; R. Lutz, ук. соч., стр. 66; L. Benns, ук. соч., стр. 307; R. Clark, ук. соч., стр. 41; H. Holborn. Germany. History. «Encyclopedia Americana», vol. 12, 1953, p. 525; C. Pinson, ук. соч., стр. 12; R. Cooper, ук. соч., стр. 60.

⁷⁸ J. Hohlfeld, ук. соч., стр. 629—630.

⁷⁹ W. Tormin, ук. соч., стр. 134.

шей или в меньшей мере органам старого строя, демонстрации, митинги и столкновения так и остались бы массовыми выступлениями, не превратившимися в революцию. Поэтому, вопреки утверждению Тормина, Советы были не следствием революции, а той *формой*, в которой она совершалась.⁸⁰

В. Тормин возражает тем буржуазным авторам, которые считают, что диктатура Советов во время Ноябрьской революции была предотвращена действиями «добровольческих корпусов», либо совместными усилиями Носке, офицеров и «временных добровольцев», либо действиями лидеров шейдемановцев и чиновничества, либо, наконец, сознательной изменой лидеров социал-демократов.

В. Тормин объясняет гибель Советов тем, что «мир и демократия были достигнуты без напряжения. *Не было больше великой цели*, которая воодушевляла бы Советы».⁸¹ Вместе с тем он заявляет, что «если Советы имели вообще какую-нибудь государственную цель, то этой целью была парламентская демократия, которая открывала возможность ввести социализм».⁸² Слова, подчеркнутые мною в обеих фразах, противоречат друг другу; оказывается, что цель, которая и после заключения мира воодушевляла Советы (по крайней мере, большинство из них), — была! Но не было знания того, каким путем эту цель достигнуть.

В гибели Советов, в действительности, как показано в работах историков-марксистов, все перечисленные выше причины, на которые указывают буржуазные историки, включая и В. Тормина, сыграли известную роль. Главной же причиной являлось отсутствие сильной революционной партии. Именно поэтому измена лидеров социал-демократии и парламентские иллюзии рабочего класса могли приобрести решающее значение в дальнейшем развитии событий.

Однако значение парламентских иллюзий не следует и преувеличивать: немецкие рабочие в 1918—1919 гг. поддерживали лозунг о выборах в Учредительное собрание не из любви и уважения к буржуазному парламенту, а поддавшись на агитацию социал-демократов, уверивших их, что в этом органе рабочие получают большинство, благодаря чему можно будет, избежав граждан-

⁸⁰ Не говоря уже о многочисленных фактах создания Советов в 1917—1918 гг. в период созревания революционного кризиса (см.: A. Schreiner, G. Schmidt. Die Rätebewegung in Deutschland bis zur Novemberrevolution. Revolutionäre Ereignisse und Probleme in Deutschland während d. Periode der Großen Sozialistischen Oktoberrevolution 1917/1918. Berlin, 1957).

⁸¹ В. Тормин, ук. соч., стр. 89.

⁸² Там же, стр. 62, 130.

ской войны, мирно прийти к социализму. Это очень важное обстоятельство вынужден признать и В. Тормин, которому одновременно приходится констатировать, что «опыт показал, что социализм не мог быть достигнут на путях парламентской демократии».⁸³ Вместе с тем из того материала, который приведен в его книге, явствует, что немецкие рабочие упорно в течение всей революции пытались, но не сумели использовать Советы в своих интересах.

О политической линии лидеров-шейдемановцев

Руководящие лидеры социал-демократии большинства (Ф. Шейдеман, Г. Носке, Г. Мюллер, К. Зеверинг, П. Лебе, А. Винниг, О. Браун, Ф. Штампфер и др.), стараясь в своих писаниях оправдать проводившуюся ими политику спасения капитализма и милитаризма, характеризуют эту политику как единственно возможную и даже пытаются изобразить ее как «защиту завоеваний» революции 9 ноября от «путчей слева».⁸⁴

В то же время, не смущаясь противоречивостью своих утверждений, они ставят себе в заслугу, что прилагали усилия к предотвращению революции 4—9 ноября. Судя по мемуарам лидеров социал-демократии, после 9 ноября они защищали то, против чего они боролись до 9 ноября. Не желают признавать лидеры шейдемановцев в своих мемуарах «лишь» того, что они были и остались врагами как социализма, так и назревших коренных демократических преобразований.

Бесспорные «заслуги» социал-демократии в деле спасения капитализма в Германии в период Ноябрьской революции умаляются в буржуазной историографии и мемуарах лишь крайними реакционерами, считающими, будто бы даже 9 ноября можно было еще оборвать дальнейшее развитие революции с помощью энергичных мер;⁸⁵ поэтому реакционеры «осуждают»

⁸³ Там же, стр. 131.

⁸⁴ Ф. Штампфер еще в конце 1919 г. писал о том, что «революционный реализм социал-демократов большинства боролся с революционным утопизмом других социалистических направлений» (F. Stampfer. Der 9. November, S. 6). Г. Мюллер в 1928 г. утверждал, будто бы «социал-демократы были не против любого революционного движения, а лишь против большевизма» (H. Müller, ук. соч., стр. 12—13).

⁸⁵ См., например, памятную записку генерала Шуленбурга (в кн.: A. Niemann. Revolution von Oben. Umsturz von Unten. Berlin, 1927, S. 324—326) и мемуары генерала В. Люттвица и юнкера Ольденбург-Янушау (W. Lüttwitz. Im Kampf gegen die Novemberrevolution. Berlin, 1934, S. 7—10; E. v. Oldenburg-Januschau. Erinnerungen. Leipzig, 1936, S. 205).

«присоединение» шейдемановцев к революции,⁸⁶ что не мешает некоторым из них признавать вынужденный характер этого присоединения и иронизировать по данному поводу.⁸⁷

В буржуазно-либеральной историографии «заслуги» шейдемановцев перед германским капитализмом широко признаются: Ф. Мейнеке писал в 1929 г., что «историческая заслуга социал-демократов большинства состоит в том, что они присоединились к ставшей неотвратимой революции и смягчили столкновение между буржуазией и пролетариатом с помощью лозунгов чистой демократии».⁸⁸ Провоцирование гражданской войны, убийство Р. Люксембург, К. Либкнехта и многих тысяч лучших революционных рабочих Ф. Мейнеке называет «смягчением классовых противоречий».⁸⁹

⁸⁶ На такой позиции стоит, в частности, И. Хольфельд, полемизирующий с Ф. Шейдеманом, который пишет в своих мемуарах, что 9 ноября «все опоры трона исчезли» (J. Hohlfeld, ук. соч., стр. 210). Хольфельд же утверждает, что «трусливо сбежал лишь один Шейдеман, а если бы он остался на своем посту, то единство народа можно было бы сохранить» (там же, стр. 619, 620). Это несерьезное заявление Хольфельда находится в полном противоречии с фактами и с его же признанием насчет популярности и силы Советов (там же, стр. 630).

⁸⁷ «Марксисты», — писал в 1920 г. О. Шпенглер (называя так лидеров социал-демократии, — В. Б.), — внезапно получили всю полноту власти, к которой они стремились в течение 40 лет и ощутили ее как несчастье» (О. Шпенглер, ук. соч., стр. 12).

Вынужденный характер присоединения социал-демократической партии большинства к революции широко отмечается в буржуазно-реформистской историографии. «Не будет преувеличением сказать», — писал в 1929 г. Ф. Мейнеке, — что социал-демократы делали революцию против самих себя» (F. Meinecke. Die Revolution. Ursachen und Tatsachen. Handbuch des deutschen Staatsrecht, Bd. I. Tübingen, 1930, S. 113—114). О том, как они ее «делали», у К. Миша сказано следующее: «Парадоксальное положение: реформистская партия возглавила революцию, которой она не хотела, которую она вначале хотела предотвратить, и развитие которой она старалась оборвать так скоро и основательно, как только возможно» (K. Misch, ук. соч., стр. 272; см. также: A. Rosenberg, ук. соч., S. 244; C. P. Inson, ук. соч., стр. 350; G. D. Cole, ук. соч., стр. 129). Отмечают в этой связи буржуазные историки и разрыв между лидерами шейдемановцев, с одной стороны, и рядовыми членами этой партии и широкими массами, с другой. «В октябре Эберт и Шейдеман видели, — пишет Э. Эйк, — что их люди перебегают не только к независимым, но и к спартаковцам» (E. Eysck, ук. соч., Bd. 2, стр. 62); Р. Кларк правильно констатирует: «между 7 и 9 ноября позиция социал-демократов (лидеров, — В. Б.) стала невыносимой. Фактически они остались без масс» (R. Clark, ук. соч., стр. 41). Эти положения вошли даже в западногерманские школьные учебники: «Социал-демократы большинства примкнули к движению, чтобы не остаться без масс» (O. H. Müller. Deutsche Geschichte in Kurzfassung. 9. Aufl., Frankfurt am Mein, 1958, S. 223).

⁸⁸ F. Meinecke. Die Revolution, Ursachen und Tatsachen, S. 118.

⁸⁹ Левый независимец Рихард Мюллер был прав, когда писал, что если «старые дипломаты, говоря о мире, готовят войну, то шейдемановцы, говоря

Р. Кларк называет «взятие власти Эбертом» «актом храбрости и патриотизма, актом, который могут порицать только большевики». Пытаясь объяснить действия Эберта, он добавляет: «Эберт взял власть, чтобы спасти не революцию, а Германию», т. е., как об этом пишет сам Р. Кларк тут же, — чтобы спасти капитализм. Возражая крайним реакционерам, обвиняющим шейдемановцев в революционности, Кларк замечает, на сей раз правильно, что эти обвинители именно шейдемановцам «обязаны своим спасением».⁹⁰ Но с ним никак нельзя согласиться в том, что лидеры шейдемановцев были «прежде всего патриоты и немцы, а затем социалисты».⁹¹ Социалистами они не были вовсе, а их «патриотизм» в 1918—1919 гг. представлял собой унижительное заискивание перед США и Антантой. Между тем это утверждение часто встречается в буржуазно-реформистской историографии, а Г. Хейдеггер сделал его центральным тезисом своей книги. По его мнению, «за социал-демократией надо признать два достижения мирового значения: сохранение единства германского государства и предотвращение большевизации Германии».⁹² Но единству Германии в 1918—1919 гг. ничто серьезно не угрожало, за исключением действий рейнских сепаратистов — (г-на К. Аденауэра и его друзей), отпор которым был дан не шейдемановцами, а рейнскими рабочими.⁹³ К тому же дело единства Германии в Веймарской конституции было разрешено далеко не до конца: в государственном устройстве и в законодательстве остались пережитки уродливого объединения «сверху», осуществленного в 1871 г.⁹⁴

о предотвращении гражданской войны, подготавливали ее» (R. Müller. Bürgerkrieg in Deutschland. Berlin, 1924, S. 7). Разумеется, что Р. Мюллер в своих книгах о Ноябрьской революции (см. также: R. Müller. Vom Kaiserreich zur Republik. Ein Beitrag zur Geschichte d. revolutionären Arbeiterbewegung während d. Weltkrieges, Bd. 1—2. Wien, 1924—1925) так же, как правый независимец Генрих Штребель (H. Strebel. D. deutsche Revolution. Ihr Unglück und ihre Rettung. 2. Aufl., Berlin, 1922) умалчивают о том, что «независимые» своей путанной, колеблющейся, трусливой политикой помогали шейдемановцам.

⁹⁰ R. Clark, ук. соч., стр. 43. Но сам же Р. Кларк страницей раньше признает, что между 7 и 9 ноября лидеры шейдемановцев оказались генералами без армии, т. е. что их «храбрость» объясняется... страхом «остаться без масс». (В то же время Эберту, Носке и «иже с ними» нельзя отказать в решительности там, где дело шло о борьбе против революции).

⁹¹ Там же, стр. 42.

⁹² H. Heidegger, ук. соч., стр. 380.

⁹³ См.: O. Winzer. Der Sieg über den Separatismus nach d. ersten Weltkrieg. «Einheit», 1952, Н. 1, S. 7—25; В. И. Виноградов. К истории реакционного рейнского сепаратизма XI 1918—VI 1919. «Научные доклады высшей школы», М., 1958, № 4, стр. 158—174.

⁹⁴ См. об этом последнюю советскую работу о Ноябрьской революции: Я. С. Драбкин. Революция 1918—1919 гг. в Германии. М., 1958, гл. 10.

Следует отметить, что Кларк и Хейдеггер, в отличие от лидеров шейдемановцев, претендующих на то, что их политика во время Ноябрьской революции соответствовала интересам рабочего класса, называют вещи своими именами: Кларк характеризует лидеров шейдемановцев, как «предателей по отношению к социалистической революции»,⁹⁵ Хейдеггер пишет, что «социал-демократы отказались от требований пролетариата».⁹⁶ Эти высказывания не являются единичными. Преобладающее в буржуазной историографии мнение о роли в революции всех трех рабочих партий может быть резюмировано следующими словами Э. Вермейля: «социальная революция была делом спартаковцев, независимые ей мешали, социал-демократы (большинства, — В. Б.) ее убили».⁹⁷ Встречаются у буржуазных историков и вполне правильные высказывания, что политика, проводимая шейдемановцами в 1918—1919 гг., была логическим следствием их обуржуазивания и оппортунистического перерождения в предыдущие годы.⁹⁸ Вместе с тем между этими историками имеются и некоторые расхождения: часть историков, преимущественно англо-американских, характеризуя лидеров шейдемановцев, как заядлых, убежденных контрреволюционеров, осуждает их за то, что они переусердствовали в своем контрреволюционном рвении; эти историки осуждают тесный союз лидеров шейдемановцев с военной, полагая, что этот союз предопределил крушение веймарской демократии. Такова позиция англичан: Р. Кларка, В. Найт-Патерсона, Г. Шиле, А. Тейлора, Г. Барреклоу, Дж. Уилер-Беннета, американцев Шумана, А. Берло, С. Гальперина, Р. Копера.

Так, А. Берло определяет сущность политики руководства социал-демократии большинства во время Ноябрьской революции, как «стремление спасти все, что возможно от старой империи, от ее духа и организации».⁹⁹ Дж. Уилер-Беннет комментирует известное соглашение Эберта с Гренером в ночь с 9 на 10 ноября 1918 г. словами: «благодаря этому соглашению Веймарская республика была обречена на поражение при самом рождении»,¹⁰⁰ Р. Копер пишет, что рабочая аристократия, интересы которой защищало руководство социал-демократии большинства,

⁹⁵ R. Clark, ук. соч., стр. 41.

⁹⁶ H. Heidegger, ук. соч., стр. 203.

⁹⁷ E. Vermeil. Constitution de Weimar, p. 46

⁹⁸ Здесь и дальше речь идет о буржуазных историках, исключая крайних реакционеров, которые, фактам вопреки, в соответствии со своими темными политическими целями объявили шейдемановцев действительными участниками революции.

⁹⁹ A. Berlau, ук. соч., стр. 214, 337.

¹⁰⁰ J. Wheeler-Bennet, ук. соч., стр. 41.

была заинтересована в сохранении существующих капиталистических условий, что политика шейдемановцев мешала любым социальным изменениям, и что «Эберт использовал милитаризм, чтобы не допустить социальных перемен».¹⁰¹

Все это совершенно верно. Но далее Р. Копер преподносит читателю фантастическую схему возможного развития событий в Германии в 1918—1919 гг., согласно которой лидеры шейдемановцев имели якобы возможность проводить демократические и антимилитаристские реформы, не опираясь при этом на поддержку крайней левой.¹⁰² Таково же мнение и остальных перечисленных выше авторов, которые явно не поняли, что политика антикоммунизма, которую они в сущности рекомендуют и которую проводили лидеры социал-демократии, привела в 1933 г. к победе гитлеризма.

К другой группе можно отнести тех буржуазных историков, которые безоговорочно одобряют политику союза шейдемановцев с силами старого режима и, в первую очередь, с военщиной. К их числу принадлежат и многие немецкие историки, считающие себя либералами, в частности, Б. Штюмке, В. Валентин, К. Миш, Г. Левенштейн.¹⁰³ Особенно отчетливо выражена подобная точка зрения в статье К. Эрдмана, который при этом раскрывает, чем она обусловлена: «Все исследование истории Веймарской республики, — пишет он, — стоит под знаком, — выделенного или невыделенного вопроса о причинах ее крушения». И Эрдман категорически заявляет, что «тезис о крахе Веймарской республики из-за того, что она не была подкреплена социальной революцией, ложен... Наоборот, ниспровержение социальной революции путем союза социал-демократии и консервативно-милитаристских сил, было условием ее возникновения».¹⁰⁴

Е. Оберман, одобряя союз лидеров шейдемановцев с военной «против большевизма», проводит параллель с современ-

¹⁰¹ R. Coret, ук. соч., стр. 100—105.

¹⁰² Критические замечания на книгу Копера см. в рецензии: A. Meusel, «Deutsche Literatur Zeitung», 1955, № 10, Spalte 752—754.

¹⁰³ См.: B. Stümke, ук. соч., стр. 103; V. Valentin, ук. соч., стр. 582; K. Misch, ук. соч., стр. 268; H. Löwenstein, ук. соч., стр. 463. Некоторым западногерманским историкам пришлось настолько «не по вкусу» слова И. Вилер-Беннета о пагубности союза Эберта-Гренера для судеб Веймарской республики, что они выступили с резко отрицательными рецензиями на эту враждебную германскому милитаризму книгу. (См. рец.: G. Ritter, «Frankfurter Allgemeine Zeitung», 20 IV 1955; W. Hubatsch, «Historische Zeitung», 1956, Bd. 182, H. 2, S. 417—420).

¹⁰⁴ K. D. Erdmann. Die Geschichte der Weimarer Republik als Problem der Wissenschaft. «Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte», 1955, № 1, S. 5, 7, 16

ностью: «30 лет спустя, — правильно констатирует он, — вторая немецкая республика идет таким же путем». При этом он пытается успокоить читателя, что это, мол, теперь не опасно, так как в настоящее время «предпосылки для республики, демократии, парламента и гражданских свобод более благоприятны». ¹⁰⁵ Однако очевидный рост милитаризма, реваншизма и фашизма в Западной Германии начисто опровергает успокоительные заявления Е. Обермана.

Г. Хейдеггер, одобряя союз Эберта с Гренером, ¹⁰⁶ пытается преуменьшить ту активную поддержку, которую оказывали лидеры шейдеманоуцев восстановлению германского милитаризма: он утверждает, что «в течение первых двух месяцев революции, социал-демократия большинства, исключая полемику в прессе, держалась пассивно по отношению к вновь возникшим милитаристским проблемам». ¹⁰⁷ Но если такие факты, как печально известная телеграмма СНУ (от 12 XI 1948) о сохранении командной власти офицеров, санкционирование уполномоченным шейдеманоуцев в прусском военном министерстве П. Гэре всех мероприятий военных властей по созданию контрреволюционных вооруженных сил, борьба лидеров социал-демократии большинства на I Съезде Советов против всех антимилитаристских предложений и последующий саботаж принятой Съездом антимилитаристской резолюции («гамбургских пунктов»), ¹⁰⁸ — если все эти факты являются «пассивным отношением к милитаристским проблемам», то позволительно спросить г-на Хейдеггера: что же тогда следует назвать активным пособничеством германскому милитаризму?

Позиция, занятая Г. Хейдеггером, сближает его с третьей группой историков, которые также одобряют союз лидеров шейдеманоуцев с милитаристами во время Ноябрьской революции, но в отличие от историков второй группы, лицемерно рассматривают его как печальную необходимость. Они даже критикуют лидеров шейдеманоуцев за чрезмерную, по их мнению, контрреволюционность, полагая, подобно англо-американским историкам, что союз лидеров шейдеманоуцев с милитаристами оказал отрицательное влияние на дальнейшее развитие Германии. Свообразие их позиции состоит в том, что субъективная контр-

¹⁰⁵ E. Obermann. Soldaten, Bürger, Militaristen. Gotta, 1958, S. 237.

¹⁰⁶ H. Heidegger. ук. соч., стр. 279—283.

¹⁰⁷ Там же, стр. 280.

¹⁰⁸ См.: В. И. Биллик. О солдатских Советах в германской армии (XI 1918—V 1919). «Ученые записки Великолуцкого пед. инст.», Великие Луки, 1956, стр. 33—73; В. И. Биллик. О формировании контрреволюционных вооруженных сил в Германии в период революции 1918—1919 гг. «Ученые записки по новой и новейшей истории. Институт истории АН СССР», вып. IV, М., 1958, стр. 205—255.

революционность лидеров шейдемановцев и их умышленное противодействие последовательно демократическим преобразованиям или открыто отрицается историками «второй группы» (В. Тормин, К. Брахер), или замалчивается (К. Мильке, В. Таймер, А. Шварц).

Так, Мильке констатирует, что «в ноябре 1918 г. теория и практика социал-демократии не соответствовала Эрфуртской программе, несмотря на то, что последняя официально была в силе».¹⁰⁹ Критику политику СНУ, он отмечает, что «СНУ пренебрег принятым решением, необходимым для укрепления демократии, сохранил партикуляризм, оставил незатронутым старый чиновничий аппарат, ничего не изменил в имущественных отношениях и упустил возможность создать верную вооруженную силу для охраны нового порядка». И далее: «Парламентско-демократическая республика утвердила себя против сторонников Советов, но с помощью сил, которые стремились свернуть ей шею».¹¹⁰

Все это совершенно верно. Но в следующей же фразе Мильке пытается свалить вину за измену лидеров социал-демократии на спартаковцев, заявляя: «революция слева подготовила дорогу для революции справа».¹¹¹ В угоду этой широко распространенной в буржуазно-реформистской историографии «концепции» Мильке грубо фальсифицирует факты, изображая дело так, будто бы союз Эберта с Гренером для борьбы против Советов и против дальнейшего развития революции был заключен лишь в конце декабря 1918 г. «в связи с восстанием Народной морской дивизии».¹¹²

Ссылка на угрозу со стороны спартаковцев несостоятельна по одному тому, что уже первые дни революции показали, что большинство рабочего класса продолжает считать шейдемановцев представителями своих интересов, правда, надеясь, что они осуществят коренные социальные и экономические преобразования в интересах трудящихся. Буржуазные и реформистские авторы часто выражают свою радость по поводу того, что спартаковцы-коммунисты в начале революции ни в организационном, ни в политическом отношении не были подготовлены к захвату

¹⁰⁹ K. Mielcke. Dokumente zur Geschichte d. Weimarer Republik. Braunschweig, 1951, S. 24.

¹¹⁰ Там же, стр. 12/13, 15.

¹¹¹ Там же, стр. 15.

¹¹² Там же, стр. 13. О провокации лидеров шейдемановцев против Народной морской дивизии и о нападении на нее войск генерала Леки см.: K. Wobbel. Die Volksmarine division. Berlin, 1957; В. И. Биллик. Выступления контрреволюции в Берлине в декабре 1918 г. В сб. ст. и матер.: «Ноябрьская революция в Германии». Изд. АН СССР, М., 1960, стр. 140—168.

власти.¹¹³ Однако признание этого факта находится в полном противоречии с попытками буржуазных и реформистских авторов преувеличить значение отдельных тактических ошибок спартакозцев-коммунистов с тем, чтобы таким путем оправдать союз лидеров шейдемановцев с военщиной.

В. Тормин также начинает с критики политики лидеров шейдемановцев: «Революционное правительство, — пишет он, — все решительнее борясь против непосредственных органов революции и становясь все уступчивее по отношению к старым силам, тем самым гибельным образом повлияло на судьбу революции и отяготило молодую республику, которой никогда уже не удалось устранить остатки полицейского государства и наполнить демократическим духом чиновничество и армию». Но, по его мнению, СНУ оказался «вынужденным» опереться на старый гражданский и военный аппарат «по практическим соображениям, а не по контрреволюционным мотивам».¹¹⁴ «Практическими соображениями» В. Тормин называет неверие лидеров шейдемановцев в способность рабочего класса управлять государственными делами и их стремление опереться на старый государственный и военный аппарат с целью спасти капитализм. Возражая Берло, Барреклоу и Тейлору, считающим лидеров шейдемановцев убежденными и отъявленными контрреволюционерами, Тормин утверждает, что «социал-демократы по своему понимали революцию», что они «не фальсифицировали ее» и «не совершали сознательного предательства своих принципов и революции».¹¹⁵ Тормин не отделяет лидеров социал-демократии от рядовых членов этой партии, совершая, тем самым, грубое насилие над фактами.¹¹⁶

Но именно ссылки на реформистские традиции германского рабочего движения в целом служат историкам третьей группы главным аргументом в их попытках оправдать лидеров социал-демократии большинства от справедливых обвинений в сознательном предательстве дела революции и социализма. В гер-

¹¹³ Таков и один из основных выводов в работе В. Тормина (W. Tormin, ук. соч., стр. 136). Западногерманский историк Г. Роге в своей рецензии на книгу В. Тормина правильно отмечает, что этот вывод противоречит названию книги В. Тормина: «Между диктатурой Советов и демократией» (H. Roghe, «Historische Zeitschrift», 1956, Apr., S. 378—382).

¹¹⁴ W. Tormin, ук. соч., стр. 76. То же самое повторяет и К. Брачер (K. Bracher, ук. соч., стр. 243, Anm. 42).

¹¹⁵ W. Tormin, ук. соч., стр. 70.

¹¹⁶ Большинство буржуазных и реформистских авторов вынуждено признать разрыв, существовавший до и во время Ноябрьской революции, между «вождями», с одной стороны, и рядовыми членами социал-демократической партии и широкими массами рабочих, с другой. (См. выше, стр. 216, 217, сноску 87 на стр. 220).

манском рабочем движении, по словам К. Мильке, «Открытое письмо» Лассалья давно одержало верх над «Манифестом коммунистической партии» Маркса.¹¹⁷ Поэтому, — твердят вслед за А. Розенбергом В. Тормин и В. Таймер, — «Бебель виноват больше, чем Эберт и Шейдеман».¹¹⁸

«Если хотят найти объяснение фактического развития, — рассуждает В. Тормин о ходе и итогах Ноябрьской революции, — то ответ надо искать в истории германского рабочего движения за многие десятилетия... Германская социал-демократия находилась в плену обстоятельств и не имела возможности или силы изменить их».¹¹⁹

Марксисты вовсе не отрицают, что преобладание реформистских традиций и слабость (но отнюдь не отсутствие) революционных традиций, что выразилось в конечном итоге в отсутствии сильной революционной партии, явились одними из важнейших причин (но не единственными причинами) того, что Ноябрьская революция не решила стоящих перед нею задач. Об этом всегда говорилось в марксистских работах о Ноябрьской революции, подчеркиваются эти обстоятельства и в Тезисах ЦК СЕПГ к 30-й и к 40-й годовщинам Ноябрьской революции.¹²⁰

Но вместе с тем, разве не величайшим прорывом реформистских традиций была революция в Германии, начавшаяся в ноябре 1918 г.? Те, кто пытается скрыть измену лидеров социал-демократии большинства, ссылаясь на реформистские традиции, «упускают» из вида это обстоятельство, которое одновременно означало величайший разрыв между массами и «вождями», оставшимися на старых реформистских позициях в момент, когда массы оставили эти позиции и когда создалась исключительно благоприятная объективная обстановка для ликвидации в Германии господства империализма и милитаризма.

Вместо того, чтобы сказать, что буржуазная идеология и оппортунизм, укоренившиеся у лидеров германской социал-демократии, и притом в гораздо большей степени, чем у рядовых

¹¹⁷ K. Mielcke, ук. соч., стр. 9.

¹¹⁸ A. Rosenberg, ук. соч., стр. 229; W. Tormin, ук. соч., стр. 70; W. Theimer, ук. соч., стр. 57.

¹¹⁹ W. Tormin, ук. соч., стр. 137; см. то же: A. Schwarz, ук. соч., стр. 36.

¹²⁰ «Die Novemberrevolution und ihre Lehren für die deutsche Arbeiterbewegung. Entschliessung der Parteivorstandes vom 16 Sept. 1948», These 4. In: «Dokumenten der Sozialistischen Einheitspartei Deutschlands», Berlin, 1952, Bd. I; «Die Novemberrevolution 1918 in Deutschland». Thesen des Zentralkomitets zum 40. Jahrestag der Novemberrevolution. Thesen 3—7. In: «Einheit», 1958, N 10.

членов партии и рабочих, объясняет измену «вождей» делу социализма — В. Тормин, В. Таймер и другие их защитники, подменяют эту ясную и единственную правильную трактовку вопроса другой, согласно которой измена лидеров социал-демократии интересам рабочего класса одновременно и объясняется и оправдывается реформистскими традициями всего германского рабочего движения. Традициями, которые, повторяю, оказались резко нарушенными революцией.

Если учесть, соглашаясь в данном случае с К. Эрдманом, что «сегодня и вчера переплетаются так тесно, что каждый вывод об отношениях и событиях периода Веймарской республики является политическим фактом»,¹²¹ то не требуется дальнейших доказательств для вывода о том, что все усилия буржуазных и реформистских историков извратить объяснение причин Ноябрьской революции и вопрос о Советах в Германии в 1918—1919 гг., а также старания большинства из них оградить лидеров шейдемановцев от справедливых обвинений в измене делу прогресса, демократии и социализма и, особенно, попытки оправдать пагубный союз лидеров шейдемановцев с военщиной и оклеветать спартаковцев, льют в настоящее время воду на мельницу самых реакционных и реваншистских сил в Западной Германии.

¹²¹ К. D. Erdmann, ук. соч., стр. 3.